

УДК 94(470) «1906/1911»

**СТОЛЫПИНСКАЯ ПРОГРАММА ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В
ОЦЕНКЕ ПАРТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ И ПАРТИИ
МИРНОГО ОБНОВЛЕНИЯ**

Л. Ю. Казанина

Университет Российской академии образования,
Новомосковский филиал, г. Новомосковск

В статье излагается отношение партии демократических реформ и партии мирного обновления к столыпинской программе формирования основ гражданского общества и правового государства. На материалах печатных органов либеральных партий показано, что постоянные нападки с их стороны на реформаторскую деятельность кабинета министров, критика наиболее уязвимых аспектов реформ П. А. Столыпина, сыграли не последнюю роль в формировании отрицательного по отношению к ним общественного мнения.

***Ключевые слова:** партия демократических реформ, партия мирного обновления, реформы П. А. Столыпина, общественное мнение.*

Одним из важнейших принципов в проведении своих реформ П. А. Столыпин считал принцип создания правового государства с характерным для него строгим соблюдением законов. В своей речи «О законодательных предложениях правительства», произнесённой на заседании II Государственной Думы 6 марта 1907 г., он заявил, что основу всех законопроектов, которые будут вноситься и уже вносятся в Думу, положена руководящая мысль о создании материальных норм, в которые должны воплотиться новые правоотношения. В итоге всех изменений «преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое»¹. Неотъемлемыми принципами правового государства, как известно, являются неприкосновенность личности и законность, гражданская и политическая свобода, неприкосновенность личной собственности граждан. Поэтому составной частью столыпинской модернизации было предоставление населению широких гражданских свобод и гражданского равноправия. Основой социального порядка и стабильности в обществе, гарантом эволюционного развития страны, по мнению П. А. Столыпина, выступает власть, находящаяся в руках монарха и правительства.

Программы таких либеральных партий России начала XX в., как партия демократических реформ (ПДР) и партия мирного обновления, пре-

¹ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. С. 51.

дусматривавшие демократические преобразования капиталистического характера, установление конституционной монархии, полностью соответствовали стратегической цели столыпинской модернизации – формирование правового государства и гражданского общества в России, современных рыночных отношений и среднего класса. Но общая цель не стала основой для объединения усилий либеральных партий и министерства П. А. Столыпина. Даже попытки или желания пойти на компромисс либералы не проявили. Они перешли на позиции радикалов, выбрали тактику разоблачений и рассматривали думскую трибуну и печать как инструмент для давления на правительство.

Прослеживаемая преемственность в программах партии демократических реформ и партии мирного обновления, схожие организационные принципы этих двух партий, тождество их социальной базы, наконец, видная роль лидеров ПДР М. М. Ковалевского, В. Д. Кузьмина-Караваева, А. С. Посникова в становлении и развитии партии мирного обновления и прогрессистов определили их сходное отношение к политике правительства Столыпина.

Занимая промежуточное положение между октябристами и кадетами и отличаясь от них главным образом особенностями своей тактики, ПДР и партия мирного обновления выступали за постепенное реформирование общественной жизни при сохранении преемственности политических институтов и поддержке сильного государства. Только такой путь, по их убеждению, был возможен в крайне неоднородной и взрывоопасной среде, именовавшейся российским обществом.

Газета «Страна», являвшаяся проводником взглядов партии демократических реформ, убеждала своих читателей, что «наше время – время коренной перестройки, ломки прошлого и возведения нового здания», что переход от режима царского самодержавия к гражданскому обществу должен сопровождаться укреплением и обновлением государства. Именно сильному государству идеологи вышеназванных партий отводили ведущую роль в определении направления реформ и координации преобразовательной деятельности. Этот подход полностью соответствовал убеждению премьер-министра П. А. Столыпина в том, что «маховиком» всей государственной жизни страны должно было стать сильное правительство, назначаемое монархом и действующее под его непосредственным контролем. Однако одинаковое представление о роли государства в реформировании страны не стало основой для объединения усилий в этом направлении ПДР и партии мирного обновления, с одной стороны, и правительства П. А. Столыпина, которому они отказали в доверии, с другой. По мнению «Страны», «наше министерство никак не может понять переживаемого момента... и продолжает по-прежнему класть только заплаты. Пусть бы эти заплаты были ещё основательны, а то кладут ничтожные заплаты, и от них костюм не улучшится, только будет пестреть ещё больше прежнего»². Эту

² Страна. 1906. 7 июля.

мысль развивает печатный орган мирнообновленцев «Слово»: «Реформы были выработаны исключительно бюрократическим путём в тиши канцелярий; население не было опрошено и не участвовало в их разработке. Реформы эти отрывочны, случайны и не отвечают единому плану и стройной программе, они поэтому и не достигают цели»³. По мнению мирнообновленцев, успех какого-либо государственного или общественного строя зависит, в первую очередь, от его целостности. Частные реформы того или иного ведомства, той или другой отрасли никогда не будут в состоянии достигнуть цели, если они не будут производиться по строго определённой программе, связывающей их одна с другою и «проникнутой сознанием того, что интересы власти и интересы населения прежде всего идентичны и могут обслуживаться только в том случае, если идут рука об руку»⁴. Лидеры партии мирного обновления уверены, что было бы гораздо правильнее, если бы все проекты были в своё время внесены в Государственную Думу и получили закономерное движение и утверждение, чем проводить их ныне «совершенно экстраординарным и явно неконституционным путем»⁵. «Слово» осуждает кабинет Столыпина, во-первых, за проведение законов в силу 87-й статьи Основных законов, во-вторых, за нерешительность, отсутствие ясной, определённой программы и, главное, без широкого привлечения к участию в предварительных работах местных общественных сил. Именно поэтому «кабинет не завоевывает общественного доверия, успокоение страны не наступает, общество бродит и это брожение всё даёт новую и новую пену»⁶. В данной ситуации «отдых бюрократических сфер, пожалуй, полезнее усиленной канцелярской реформаторской деятельности. Реформы будут отвечать требованиям жизни, когда будут разрабатываться при участии общества и считаться с его реальными нуждами»⁷. Запутанность положения объясняется также поспешным роспуском Государственной Думы: «Вовсе прекратить законодательную деятельность на все семь месяцев невозможно, тем более что острые жизненные вопросы не ждут. Исполнить даваемые обещания без Думы нельзя по Основным законам. Изменить эти законы тоже нельзя, так как без одобрения Думы никакой новый закон не может последовать»⁸. «Какой предстоит выход из замкнувшегося круга? – задавала вопрос «Страна». – Разве ускорить созыв Думы, восстановив тем правильный ход государственных дел и дав представительству населения более достаточные гарантии прочности и необходимого простора действий?»⁹ Государственную Думу как высший орган народного представительства ПДР считала единственным гарантом реального единства государства и согласия в обществе. Аналогичного мнения придерживались и мирнообновленцы. «Что сейчас России нужно? – спрашива-

³ Слово. 1907. 1 янв.

⁴ Там же. 4 нояб.

⁵ Там же. 1906. 28 нояб.

⁶ Там же. 28 дек.

⁷ Там же. 1907. 10 авг.

⁸ Страна. 1906. 3 авг.

⁹ Там же.

ло «Слово». И отвечало: «Нужен конституционный строй, а не всевластие бюрократии. Встреча одинаково настроенных и ясно понимающих основное требование всей страны правительства и народных представителей и было бы началом новой великой эпохи русской истории»¹⁰.

Признавая, что в правительственной декларации, произнесённой премьер-министром в Государственной Думе 6 марта 1907 г., отсутствуют элементы вызова и конфликта, что среди правительственных законопроектов немало таких, которые отвечают назревшим потребностям народа и которые могут быть приняты Думой после того, как подвергнутся нужной переработке, журнал партии мирного обновления «Московский еженедельник» тем не менее выражал «недоверие к широкообещательным обещаниям, которые в ней заключаются: на временное впечатление от них министерство может рассчитывать скорее в биржевых кругах, чем в народе»¹¹. Ещё более резкую оценку правительственной декларации дал журнал партии демократических реформ «Вестник Европы», по мнению которого не могут одни и те же лица являться сегодня нарушителями, а завтра охранителями закона: «Самые крупные дары теряют свою ценность, когда их несет министерство, более полугодом управляющее с помощью унаследованной чрезвычайной охраны и созданных им самим военно-полевых судов. Не будь этого прошлого, совершенно иным могло бы быть впечатление от министерской декларации»¹². Партия мирного обновления, название которой подчеркивало её отрицательное отношение к насилию, откуда бы оно ни исходило, также порицала правительство Столыпина за его грубые расправы и кровавые экспедиции. «Путь репрессий, на который вступило правительство под влиянием отдельных болезненных вспышек, – путь совершенно ошибочный, обратный тому, который предсказывается историей и настроением народным. Его необходимо оставить, и чем скорее, тем лучше», – писало «Слово»¹³. Ещё более категорична в своих оценках столыпинских методов водворения порядка «Страна». Парадоксы 1906 г., по мнению газеты, заключаются в том, что «правительство сочинило конституцию и нарушало её, оппозиция нападала на эту конституцию и требовала её соблюдения. Власть обновляла Россию, издавала освободительные указы, но одобряла тех, кто стоял за старину, и предавала гонению свободу. Люди чёрного знамени изводили врагов правительства, а заодно с ними и правительственную конституцию. А власть поощряла людей черного знамени»¹⁴.

Лидеры ПДР отмечали обречённость попыток правительства Столыпина совмещать «высокий либерализм» с «разумной репрессией» и осуждала за нежелание прислушиваться к общественному мнению: «Но неодобрение партий, отчужденность общества могут быть безразличными и

¹⁰ Слово. 1907. 20 янв.

¹¹ Московский еженедельник. 1907. № 10. С. 2.

¹² Вестник Европы. 1907. № 3. С. 57.

¹³ Слово. 1907. 4 янв.

¹⁴ Страна. 1907. 1 янв.

безнаказанными лишь для правительств сильных не только дарованиями, но ещё и глубоким внутренним сродством своим с задачами, которые они себе намечают. Правительства же рутинные и, однако, ставящие себе цели, по существу им чуждые, извне навешанные, обречены на неуспех. В поисках за истинной пропорцией между репрессией и реформой такие правительства рискуют, не одолев своих врагов, утратить в то же время и вчерашних друзей»¹⁵. По мнению ПДР, конституционное, хотя бы и не парламентское, правительство всегда опирается на какую-нибудь реальную общественную силу и носит обличье той или иной политической партии. «Столыпин же поспешил объявить правительство внепартийным. Это было сделано своевременно и тактично. Но ведь в результате бюрократия после целого года кровавых в буквальном смысле слова усилий всё же остаётся в круглом одиночестве, отчуждённой от всех живых и даже полумертвых общественных сил. Нужно ли более убедительное доказательство “внепартийности” бюрократии?»¹⁶

Абсурдным считали лидеры ПДР положение, в котором оказались политические партии в России. По мнению К. К. Арсеньева, установленный порядок регистрации партий противоречит требованиям конституционного строя: «Утверждение партии правительством – явный абсурд, как потому, что правительство является здесь судьёю в собственном деле, так и потому, что отказом в утверждении не прекращается, а лишь затрудняется деятельность партии... Все партии законны... и официальной регистрации не подлежат»¹⁷. В статье «Заключительный аккорд» печатный орган ПДР осуждает городское по делам об обществах присутствие за отказ в регистрации союза мирного обновления, так как преследуемые им задачи «угрожают общественному спокойствию». «Этим актом, – заявляет “Страна”, – правительство завершило один из пунктов своей программы – “не стеснять свободно высказываемого общественного мнения”»¹⁸. Для всякого правительства, действующего в рамках конституционного строя, по мнению лидеров ПДР, жизненно важно ослаблять по возможности силы оппозиции. Эта цель обыкновенно достигается не репрессиями, хотя бы самыми «разумными», а привлечением на свою сторону одних общественных слоев и нейтрализацией других. Союз мирного обновления как раз мог сыграть роль нейтральной зоны, которая, при известных условиях, могла бы послужить более или менее удобной почвой для переговоров. «На деле, однако, оказалось, что бюрократии трудно переварить даже союз мирного обновления. Она чувствует, что мирнообновленцы, как всякая независимая общественная группа, став у власти, прежде всего, начнут свою работу с отрицания так называемого существующего строя, т. е. огромного здания произвола и самовластия чиновничества. Без этой предварительной работы

¹⁵ Страна. 1906. 15 сент.

¹⁶ Там же. 15 окт.

¹⁷ Там же. 1907. 5 янв.

¹⁸ Там же. 1906. 5 окт.

никакое, даже самое скромное обновление невозможно»¹⁹, – заключала «Страна».

На своих страницах «Страна» осуществляла известный тезис М. М. Ковалевского: «Мы партия конституционной борьбы и печатной критики правительства»²⁰. Важнейший шаг кабинета Столыпина в направлении формирования гражданского общества и правового государства – Указ от 5 октября 1906 г. об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий лидеры ПДР охарактеризовали лишь как «попытку правительства заручиться поддержкой со стороны более зажиточной части крестьянства»²¹.

Столь же критично был встречен и законопроект о неприкосновенности личности. В статье «Неприкосновенность личности и исключительное положение» ведущий сотрудник «Вестника Европы» К. К. Арсеньев писал: «Несмотря на все недостатки правительственного законопроекта о неприкосновенности личности, осуществление его даже в настоящем виде было бы несомненным шагом вперёд, если бы только при этом существовала уверенность, что действие его не будет парализовано на каждом шагу изъятиями из общего порядка»²². Мирнообновленцы в свою очередь также уверены, что действие закона о неприкосновенности личности будет парализовано до тех пор, пока не будет осуществлена судебная реформа: «... реформа местного суда тесно связана с реформой земского положения, тесно связана с рядом других реформ, а пока все соответствующие законы не будут рассмотрены и утверждены, закон о неприкосновенности личности не будет введён в действие. Просто и ясно»²³.

Намечаемое правительством расширение прав женщин как составная часть формирования правового государства и гражданского общества воспринималось партией мирного обновления как необходимость и восстановление социальной справедливости по отношению к женщинам, у которых «при наших социальных условиях... так мало путей к самостоятельной и независимой жизни». Однако внесённый Министерством юстиции в Государственную Думу законопроект об уравнивании женщин в правах наследования с мужчинами печатный орган мирнообновленцев «Слово» считает недостаточным для изменения бесправного положения женщин: «И если нашему законодательству суждено идти не путём цельной и стройной системы, не путём выработки нового гражданского кодекса, а путём отдельных новелл и частичных исправлений, то нельзя не пожелать, чтобы вслед за женским наследованием, наши законодательные учреждения занялись вопросом о гражданском положении женщины в семье»²⁴.

¹⁹ Страна. 1906. 5 окт.

²⁰ Там же. 30 дек.

²¹ Там же. 1907. 1 янв.

²² Вестник Европы. 1908. № 2. С. 278.

²³ Слово. 1909. 19 апр.

²⁴ Там же. 31 мая.

Правительственные законопроекты о старообрядцах и сектантах, по мнению лидеров ПДР, «имеют характер освободительный, хотя и в строго определённых пределах»²⁵. При этом газета замечает: «Уступки здесь, бесконечно ценные для религиозной совести народа, не так-то уж дороги правительству»²⁶. «Страна» не удержалась против критических замечаний в адрес «стеснительных частностей закона», например требования подписи не менее пятидесяти лиц на прошении о легализации общины, «что не всегда возможно для маленьких сект, особенно интеллигентского происхождения»²⁷. Печатный орган мирнообновленцев характеризует законопроект о порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин как весьма важную и давно ожидаемую реформу. Но при этом вносит свою лепту в его критику: «Этот закон слишком строго и мелочно регламентирован, а, кроме того, точно так же вносит в нашу жизнь понятие гражданского брака, не затрагивая вместе с тем этого вопроса в отношении не сектантского и не старообрядческого населения, т. е. заставляет две нормы мирно уживаться рядом»²⁸.

Бедными и нерешительными называет «Страна» пункты министерской программы церковных реформ, касающиеся духовной школы, отношений к иноверцам, миссионерства и цензуры²⁹. Руководящие принципы, положенные в основу этих законопроектов, по мнению газеты, «ограничиваются уже известной по букве и нашим старым основным законам “свободой исповедания веры и общественной молитвы” с молчаливым исключением свободы пропаганды, которая одна завершает нормальное понятие религиозной свободы»³⁰. «Слово», сообщая своим читателям, что комиссия по вероисповедным вопросам Государственной Думы высказалась против отмены статьи законопроекта, допускающей свободу пропаганды только для православной церкви, писало: «Свобода пропаганды неразрывно связана с свободой совести, она наиболее яркий и необходимый её признак, и потому категоричное признание вероисповедной комиссией принципа свободы совести, этого одного из величайших прав человека, явилось бы актом чрезвычайной важности»³¹. Партия мирного обновления считала, что только при явочном порядке образования общин, только при свободе пропаганды своего учения и только при устранении ограничений по суду действительно может установиться соответствие правил, регулирующих свободу старообрядческого вероисповедания с общими началами свободы вероисповедания, провозглашенными 17 апреля 1906 г. Поэтому Государственной Думе предстоит большое испытание: «Правые, видимо, решили всецело поддержать правительственный проект. Всё будет, следовательно,

²⁵ Страна. 1906. 18 окт.

²⁶ Там же. 27 сент.

²⁷ Там же.. 27 сент.

²⁸ Слово. 1907. 1 янв.

²⁹ Страна. 1906. 16 нояб.

³⁰ Там же. 18 окт.

³¹ Слово. 1908. 11 марта.

зависеть от уступчивости октябристов. На них, следовательно, в конечном счёте, и лежит вся ответственность»³².

Партия мирного обновления и партия демократических реформ отстаивали принцип равенства граждан перед государством, который, по их мнению, должен составлять основной из основных законов. Поэтому они прежде всего выступали за решение еврейского вопроса, просто «в силу общечеловеческих требований справедливости»³³. «Единственная рациональная мера – это уничтожение специальных и исключительных законов для евреев»³⁴, – писало «Слово». С. А. Котляревский в статье «Еврейский вопрос» с удовлетворением замечал: «В настоящее время еврейский вопрос в России принадлежит к числу тех, на которые и непосредственное нравственное чувство, и бесстрастный государственный разум дают тождественные ответы»³⁵. «Конечно, – продолжает С. А. Котляревский, – многое из психического уклада еврейского населения, созданного старым режимом, не сразу уступит место иным навыкам. Но здесь мы имеем начало оздоровления и в то же время освобождения России от тяжёлого политического греха»³⁶.

Считая необходимым включение всех основных прав граждан в текст Основных законов Российской империи, а также обеспечение этих прав в судебном порядке, партия демократических реформ признавала, что в предложенном министерством законопроекте о преобразовании местного суда много целесообразного и интересного (возобновление института мировых судей, отмена института земских начальников, выборность судей), идущего в рамках развития основных положений судебной реформы 1864 г.³⁷ Официальный орган партии мирного обновления «Московский еженедельник» также приветствовал проект реформы местного суда, имеющий в виду упразднение как органов отправления правосудия земских начальников и замену их и городских судей прежнего типа выборными мировыми судьями, несменяемыми в течение того срока, на который они избраны: «Таким образом, правительство по собственной инициативе делает крупный шаг вперёд по пути укрепления основных положений правительственного судопроизводства и в том числе важнейшего из них – независимости и несменяемости судей»³⁸. Аналогичную оценку законопроекту даёт и «Слово»: «Законопроект о местном суде в общем представляется вполне удовлетворительным и, по всей вероятности, именно поэтому вызывает неудовольствие и критику как крайней правой, так и крайней левой печати, принципиально не допускающей, чтобы из назарета, т. е. от правительства, могло быть что-либо доброе. На этот раз это не соответствует действительности, и нельзя не пожелать, чтобы проект этот поскорее прошёл с некоторыми поправками через

³² Слово. 1909. 12 мая.

³³ Там же. 1907. 14 янв.

³⁴ Там же. 1906. 17 дек.

³⁵ Московский еженедельник. 1907. № 20, 21. С. 43.

³⁶ Там же. С. 43.

³⁷ Страна. 1906. 17 дек.

³⁸ Московский еженедельник. 1907. № 17. С. 14.

Государственную Думу и Государственный Совет и получил реальное осуществление»³⁹. Однако лидеры ПДР расценивали этот законопроект не как целенаправленную деятельность министерства Столыпина, а как «полную идейную капитуляцию правительства перед доводами и принципами либеральной оппозиции»⁴⁰. Критике подверглись и отдельные положения законопроекта. «Проектируемую министерством схему объединения нашего правосудия придётся считать весьма выдержанной, – пишет «Страна». – Однако, из пункта 3 основных положений законопроекта видно, что упразднение волостных судов не проектируется в категоричной форме: напротив, предусматривается возможность их сохранения, и это, конечно, существенно нарушило бы законченность намечаемого плана»⁴¹. И. Н. Ефремов в статье «К реформе местного суда», помещённой в «Слове» 25 ноября 1907 г., удивляется тому, что «министерство юстиции не распространяет проектируемую реформу на казачье население Европейской России. Оно не говорит ни слова о станичных судах, которые подлежат, по-видимому, сохранению, а между тем суды эти так же плохи, как и суды волостные, и так же мало удовлетворяют подведомственных им казаков»⁴².

На страницах либеральной прессы развернулась полемика по поводу имущественного ценза и принципа выборности мировых судей. Так, Владимир Давыдов, один из уважаемых судебных деятелей, в статье «По поводу реформы местного суда», помещённой в «Московском еженедельнике» (№ 33 за 1907 г.), категорично заявил о предпочтительности системы назначения судей перед системой выборной. Он приводит следующие аргументы: «Земское и всякое другое местное избирательное собрание не будет в состоянии избрать достаточное для своего района количество судей, которых бы оно знало настолько, чтобы могло ручаться за наличность в них образованности, житейского опыта, знакомства с условиями местной жизни, самостоятельности и независимости, ведь на каждый уезд потребуется не трое, не пятеро судей, а гораздо больше»⁴³. По его мнению, выборный способ не выдерживает критики и в отношении независимости судьи: «Ведь, прежде всего, для самостоятельности, независимости судьи требуется его несменяемость, а несменяемости нет там, где через известный срок судьи подлежат новым выборам и, стало быть, могут быть заменены другими. Но кроме этого, избиратели далеко не всегда руководствуются при избрании судей искренним желанием добра; часто своекорыстные или партийные побуждения или желание поддержать близкого человека направляет руку избирателя в ту или другую сторону, и в этом отношении история русского выборного суда богата печальными примерами»⁴⁴. Стараясь быть объективным, «Московский еженедельник» помещает на своих страницах

³⁹ Слово. 1906. 20 дек.

⁴⁰ Страна. 1906. 17 дек.

⁴¹ Там же.

⁴² Слово. 1907. 25 нояб.

⁴³ Московский еженедельник. 1907. № 33. С. 21.

⁴⁴ Там же. С. 22.

и противоположное мнение – отклики на заметку В. В. Давыдова. По мнению Л. Тауберта, не быть втянутыми в политическую борьбу, сохранить полное беспристрастие и независимость от видов правительства можно только созданием выборного суда, «ибо в каждом назначенном судье, как бы он хорошо и независимо ни был поставлен, население будет видеть прежнего земского начальника»⁴⁵. То же самое говорит вкратце и И. В. Гессен: «Мы должны считаться с той глубокой враждой, которая существует между правительством и обществом, и если мировой судья будет выборный, то это сразу возвысит его в глазах населения и сразу возбудит среди населения к нему гораздо больше доверия, чем если этот судья был бы по назначению правительства»⁴⁶. «Вот почему против выборного начала говорил только один член в Государственной Думе», – заключает А. А. фон Бринкман, автор статьи «По поводу реформы местного суда»⁴⁷. Сами же мирнообновленцы уверены, что «полной независимости суда от правительства можно достигнуть не тем, что суд будет выборным, т. е. зависимым от «враждующих» общественных групп, а только тем, что будут изменены общие политические условия»⁴⁸.

Серьезные возражения сделала партия мирного обновления и по поводу высокого имущественного ценза для судей, находя, что «если необходимо требование от судей наличности таких качеств, без которых невозможно правильное отправление правосудия, то таковым может быть образовательный ценз, а не имущественное обеспечение, между наличностью коего и пригодностью лица для исполнения судейских обязанностей не имеется никакой связи»⁴⁹. «Московский еженедельник» приводит в поддержку своей позиции решение совещания московских столичных мировых судей, которые единогласно высказались против повышения имущественного ценза с 3 000 до 30 000 рублей (стоимость недвижимого имущества) в столице и с 1 500 до 15 000 рублей в провинции. Что же касается лиц с высшим образованием, то совещание признало необходимым предоставить им право занимать должности мировых судей без всякого ценза⁵⁰. Кроме того, совещание высказалось единогласно против проектируемой Министерством юстиции ответственности мировых судей в порядке надзора перед судебными палатами и за сохранение существующей ответственности их перед Сенатом. «Вообще, московские судьи решительно высказались против предложенных изменений в мировом институте»⁵¹, – заключает журнал. Однако октябристско-правое большинство судебной комиссии II Государственной Думы в имущественном цензе усматривало необходимую гарантию материальной независимости судей и «связь их с местно-

⁴⁵ Московский еженедельник. 1907. № 36. С. 17.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Московский еженедельник. 1908. № 4. С. 16.

⁴⁹ Там же. 1909. № 5. С. 10.

⁵⁰ Там же. 1908. № 4. С. 53.

⁵¹ Московский еженедельник. 1908. № 4. С. 53.

стью». «Мы не видим, почему имущественный ценз вообще нужен таким чинам внутреннего самоуправления, как мировые судьи, – пишет «Слово», – но раз большинство признаёт его необходимость, мы покоряемся такому решению, требуя, однако, чтобы его размер соответствовал нашему общему, крайне низкому уровню благосостояния»⁵².

В непосредственной связи с реформой местного суда находится, по мнению лидеров партии мирного обновления, и вопрос о введении института условного осуждения: «Главный недостаток законопроекта о введении в русское законодательство института условного осуждения в том, что закон намереваются провести в жизнь ещё при существующем ныне неудовлетворительном местном суде»⁵³. Признавая безусловную полезность этого института, «Московский еженедельник» уверен в том, что «при существующем местном суде институт условного осуждения, применяемого не имеющими юридического образования полу-администраторами, полусудьями, творящими суд и расправу в уездах, послужит лишь источником злоупотреблений»⁵⁴.

Значительным шагом вперёд в области уголовной политики назвали мирнообновленцы проект Министерства юстиции об условном досрочном освобождении, так как он даёт возможность поддерживать дисциплину среди заключённых обещанием досрочного освобождения, с одной стороны, и, с другой, он заставляет преступника, освобождённого досрочно, считаться с условиями общежития, подавлять в себе преступные инстинкты ради того, чтобы снова не вернуться к отбыванию наказания, от которого он был условно избавлен. Однако они совершенно не согласны с Министерством юстиции, исключая приговорённых к заключению в крепости, т. е. политических преступников, от применения условного досрочного освобождения. «Слово» приходит к выводу, что «заключение “политических” в крепости не преследует целей исправления, значит, оно является чем-то вроде мести – принцип, которому нет и не должно быть места в конституционном государстве», и соглашается с кадетской «Речью», которая видит в этом проекте «типичную бюрократическую реформу, чисто техническую, ни на волос не увеличивающую гражданских прав и вообще дешёвую в фигуральном и буквальном смысле»⁵⁵. По мнению мирнообновленцев, нельзя также связывать условное освобождение с участием в тюремных работах, так как эти работы введены далеко не во всех тюрьмах. «Также верно и то, – пишет А. Аджемов в статье «Условное досрочное освобождение по проекту министерства юстиции», – что особое совещание, рассматривающее предварительно вопрос о применении в каждом данном случае условного освобождения, не должно быть организовано с таким

⁵² Слово. 1908. 5 янв.

⁵³ Там же. 1907. 31 янв.

⁵⁴ Московский еженедельник. 1907. № 6. С. 55.

⁵⁵ Слово. 1908. 1 марта.

преобладанием тюремной администрации, как это предполагается в министерском проекте»⁵⁶.

Столь же желательными называет «Слово» и проекты Министерства юстиции о введении защиты на предварительном следствии и состязательного начала в обряде предания суду, так как они «знаменуют движение вперед нашего законодательства по указываемому наукой пути, в целях достижения большей объективности ведения уголовных дел и большего ограждения прав участвующих в деле лиц»⁵⁷. Первый из них не представляется мирнообновленцам исчерпывающим свою задачу: «По проекту полицейское дознание и все предварительное следствие ведётся без наличности у обвиняемого защитника»⁵⁸. Второй проект вообще не затрагивает предварительного следствия как такового. Состязательное начало признаётся лишь относительно обряда предания суду, т. е. момента проверки судебной палатой солидности и достаточности материала, положенного в основу обвинительного акта. Но сама эта проверка, в настоящее время по целому ряду дел обязательная, является, согласно проекту, факультативной. «Слово», однако, считает, что «там, где дело касается охраны таких благ, как свобода и честь, из закона должны быть изъяты всякие признаки факультативности. В этих случаях необходимы твердые, обязательные раз и навсегда нормы. Для “если” и “поскольку” не должно быть здесь места»⁵⁹. Но уже одно то, что пробита брешь в крепости, которая ещё так недавно казалась неприступной, является, по мнению мирнообновленцев, немаловажным завоеванием: «Принцип признан. И надо надеяться, что русская юридическая мысль окажется достаточно сильной для того, чтобы обеспечить ему постепенное проникновение во все стадии процесса»⁶⁰.

Не прошла мимо внимания печатного органа партии мирного обновления и предложенная правительством Столыпина реформа полиции. Приветствуя общую идею проекта, направленную на упрощение сложной конструкции полиции и специализации ее функций, «Слово» считало наиболее удачной частью проекта выделение двух особых разрядов полиции – полиции благосостояния и полиции судебной, на которую возлагается содействие чинам прокурорского надзора при производстве следствия: «Борьба с преступностью только тогда примет успешный и интенсивный характер, когда все стадии следственного производства, не исключая и предварительного дознания, будут сосредоточены в ведении прокуратуры и под ее руководством»⁶¹. Однако ценность замышляемой реформы подрывается, по мнению мирнообновленцев, тем, что по проекту судебная полиция входит в состав корпуса государственной стражи, иначе говоря, она подвержена общей администрации, хотя должна быть от неё независима.

⁵⁶ Слово. 1908. 27 февр.

⁵⁷ Там же. 1909. 5 сент.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. 1909. 5 мая.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. 3 февр.

Центральной частью проекта являлось объединение всех существующих родов и видов полиции в единую организацию под названием корпуса государственной стражи. Находясь в ведении гражданской администрации, она объединяла в себе и наружную, и сыскную полицию, жандармерию и корпус пограничной стражи, речную полицию, сельскую и земскую стражу. Партия мирного обновления считала, что этим технически действительно достигается упрощение полицейского механизма и сосредоточение его в одном ведомстве – Министерстве внутренних дел – и под единым руководством. Но проект совершенно не касается тайной, охранной полиции, организованной на началах полной автономности. «Это как бы государство в государстве, – пишет «Слово», – и деятельность её, окружённая в глазах населения устрашающей таинственностью, проходит в условиях, о которых даже министр внутренних дел не всегда надлежаще осведомлён»⁶². Но дело не только в частностях. По мнению лидеров партии мирного обновления, вся задуманная реформа проникнута скорее узко административными целями, чем стремлением водворить начала законности: «Главное зло, с точки зрения интересов населения, заключается в чрезвычайных полномочиях и обилии задач полиции. Реформу полиции следовало бы начать с ограничения её почти безраздельных полномочий и сокращения случаев её вмешательства в личную и общественную жизнь»⁶³.

По мнению членов ПДР, политика П. А. Столыпина не отличалась оригинальностью, а лишь в наиболее концентрированном виде выражала давнишние устремления российской бюрократии.

Подводя итоги восьмимесячной «творческой деятельности» правительства Столыпина, «Страна» осуждает Кабинет министров за слишком широкое использование права издавать временные законы в силу ст. 87 Основных законов, притом по всем существенным вопросам. Однако, стараясь быть объективным, печатный орган ПДР ставит в заслугу министерству лишь заботы о расширении крестьянского землевладения, об улучшении правового положения крестьян, правила о старообрядцах и сектантах. Пассив же, по мнению «Страны», «столь удручающе трагичен, столь беспримерно жесток, что такого кровавого сальдо история еще не заносила на свои страницы: никогда ещё “старый режим” не боролся с такою беспощадностью с революционными и мирными врагами “порядка”... Два потока крови идут навстречу один другому. Народные совесть и сознание воспитываются в самом опасном для водворения истинной свободы направлении»⁶⁴. «Мы, к сожалению, в нашей внутренней политике все становимся на платформу сперва репрессий, потом реформ, воображая, что репрессиями, а не реформами, мы можем добиться успокоения. Но этим мы только постоянно подогреваем котёл, который выбрасывает пену»⁶⁵, – писало «Слово».

⁶² Слово. 1909. 2 февр.

⁶³ Там же. 1909. 2 февр.

⁶⁴ Страна. 1907. 1 янв.

⁶⁵ Слово. 1908. 5 марта.

Ответственным за ход дела мирнообновленцы считали П. А. Столыпина и потому делали именно его мишенью для своих предположений и оценок. Подводя итоги 1907 г., «Слово» писало: «Господин Столыпин много раз публично заявлял, особенно для заграничного употребления, о стойкости своей конституционности. Но его слова не вяжутся с делом, и его деятельность далеко не оправдывает таких заявлений. Одно из двух: или он и его министерство действительно бессильны и представляют собой только щит, или он неискренен»⁶⁶.

Лидеры ПДР считали, что главное заблуждение правительства заключается в том, что оно смотрит на все свои либеральные мероприятия как на уступку, как на пожертвование кому-то, как на средство так или иначе отделаться от назойливых требований и обеспечить, наконец, себе спокойствие. «Сколько бы ни шла государственная власть в этом направлении, она кроме собственного ослабления ничего не достигнет. Нужно раз и навсегда сознать необходимость и жертв, и реформ, требуемых временем и событиями, и не пытаться взять обратно что-либо из раз дарованного» – утверждала «Страна»⁶⁷.

Надежды на проведение реформ партия демократических реформ и партия мирного обновления возлагали на Государственную Думу: «Действительно, именно теперь, в настоящий момент тяжёлой правительственной реакции и проникающего в душу общества и населения глубокого пессимизма, затаённой озлобленности одних и индифферентизма других, на Государственной Думе лежит огромная моральная ответственность»⁶⁸.

«Страна» выступала с идеей единства всех прогрессивных движений, звала к сотрудничеству представителей либерального, демократического и социалистического политических течений, и призывала всех, кто хочет мирного, но безостановочного движения вперёд, к народному благу и народной свободе, соединить свои усилия в деле созидания конституционного строя. В качестве почвы для такого блока рассматривалось стремление к мирной борьбе за установление нового государственного строя и за проведение широких социальных реформ, необходимых для его укрепления. Однако правительству Столыпина ПДР не отводила места в этом блоке и не видела в нем союзника. Постоянные нападки со стороны ПДР на реформаторскую деятельность Кабинета министров не оставили, в свою очередь, выбора и правительству: ПДР было отказано в официальной регистрации. Стремление обеих сторон к поиску оптимальных путей преобразования общества на началах социальной справедливости под лозунгом «социально-политического реализма» не стало основой для объединения усилий правительства и представителей либерального лагеря. Первому справедливо виделось отсутствие у либеральных лидеров желания идти на сотрудничество с правительством, вторые, считая министерство П. А. Сто-

⁶⁶ Слово. 1 янв.

⁶⁷ Страна. 1907. 1 янв.

⁶⁸ Слово. 1908. 1 мая.

лыпина рутинным, тяготеющим к старине, обрушили на него шквал критики за чересчур медленное да ещё и с большими недоработками, с их точки зрения, проведение давно назревших реформ. «Источник всех указанных нами зол, – заключала «Страна», – один и тот же: переход от абсолютизма к конституционному строю, возведённый Манифестом 17 октября, совершился только на бумаге...»⁶⁹.

Таким образом, несмотря на то, что программы партии демократических реформ и партии мирного обновления и план столыпинской модернизации совпадали в главном – формирование правового государства и гражданского общества, либеральные партии не поддержали власть, а выступили в качестве оппозиции. Отказ от публичной поддержки правительственных реформ отчасти был продиктован соображениями предвыборной борьбы, стремлением к захвату исполнительной власти и личной неприязнью к П. А. Столыпину, отказавшему в легализации партий. Лидеры либеральных партий считали, что прежде чем проводить какие-либо преобразования, нужно ввести в России народное представительство: истинные парламентаризм и конституционализм, врагом которого они как раз и считали П. А. Столыпина. Либеральная критика столыпинской программы формирования основ гражданского общества и правового государства приняла характер придинок не по существу рассматриваемого вопроса, а по отдельным наиболее уязвимым его аспектам. Реформы П. А. Столыпина представлялись либеральным партиям как вынужденные частичные улучшения, притом запоздалые по времени и слишком незначительные в условиях, требующих более широких демократических преобразований, прежде всего развития парламентаризма. Преследуя цель добиться максимально возможных изменений наиболее важных законопроектов, лидеры либеральных партий избрали тактику давления на правительство путем формирования соответствующего общественного мнения посредством публикаций в печати и выступлений в Государственной Думе, стенографические отчеты о заседаниях которой они публиковали на страницах своих печатных органов. Либеральные печатные органы убеждали читателей в том, что в реформаторских проектах П. А. Столыпина не было системности, что они изменяли лишь элементы системы во имя сохранения целого – самодержавной модели управления.

Представляется, что именно тактика либеральных партий, а не позиция правительства П. А. Столыпина, которое они необоснованно обвиняли в нежелании учитывать общественное мнение, стала причиной их разногласий, не позволила объединиться на одной реформистской платформе.

THE STOLYPIN'S PROGRAM OF FORMATION OF BASES OF A CIVIL SOCIETY AND A LAWFUL STATE IN AN ESTIMATION OF THE DEMOCRATIC REFORMS'S PARTY AND THE PARTY OF PEACEFUL RENOVATION

⁶⁹ Страна. 1906. 21 нояб.

L. J. Kazanina

University of Russian Academy of Education,
Novomoskovsk branch, Novomoskovsk

The article shows an attitude of the Democratic reforms party and the Peaceful innovation party to Stolypin's programs of formation of bases of a civil society and a lawful state. Author use the publications of these parties and analyse constant attacks from their party on reformatory activity of the Stolypin's cabinet. On her opinion, the criticism of the most vulnerable aspects of government's reforms by liberals have played not last role in formation negative public opinion to them.

Keywords: *The Democratic reforms party, the Peaceful renovation party, Stolypin's reforms, public opinion.*

Об авторе:

КАЗАНИНА Лариса Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент Новомосковского филиала Университета Российской академии образования.

E-mail: kobra@kobra.tula.net

KAZANINA Larisa Yur'evna – Kandidat of history, senior lecturer of Novomoskovsk's branch of the University of the Russian Academy of Education.

Статья поступила в редакцию 27.12.2010